

Рец. на: Т.Н. Жуковская, К.С. Казакова. *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX в.* М.: Новый хронограф, 2018. 576 с., ил.

Anatoliy Ivanov

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

Rec. ad op.: T.N. Zhukovskaya, K.S. Kazakova. *Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoy polovine XIX v.* Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870007407-8

Судьбы российской интеллигенции неразрывно связаны со студенчеством. Современная историческая наука рассматривает его не только как социальную группу или совокупность групп (национальных и региональных сообществ, академических «землячеств» отдельных учебных заведений), но и как некую социокультурную общность, имевшую свою, менявшуюся во времени, специфику в культурном пространстве.

Тем не менее, несмотря на активное изучение развития университетов в России, публикаций, посвящённых истории российского студенчества, всё ещё очень мало, особенно по сравнению с работами об учащихся западных стран. В существующей же историографии говорится преимущественно о второй половине XIX — начале XX в. Это во многом связано с трудоёмкостью освоения колоссального комплекса университетских архивов и делопроизводства Министерства народного просвещения. Между тем статистические сведения о студентах Санкт-Петербургского университета 1810—1850-х гг., обобщённые в его отчётах, как правило, не публиковались, в отличие от пореформенного времени.

Монография Т.Н. Жуковской и К.С. Казаковой — это серьёзный шаг

в изучении истории Петербургского университета, которое в силу ряда причин (неудачные юбилеи, дискуссионный характер периодизации) остаётся «догоняющим», особенно в освещении социокультурных проблем. До сих пор они рассматривались лишь в научно-популярных очерках<sup>1</sup>, которые не могут удовлетворить запросы профессиональных исследователей<sup>2</sup>. В то же время о студентах Московского университета XVIII — первой трети XIX в. написаны содержательные работы И.П. Кулаковой и А.М. Феофанова, представляющие ценные статистические данные и характеризующие культурно-антропологический облик этой группы и её социально-исторические параметры<sup>3</sup>.

Жуковская и Казакова существенно обогащают представления о том, как управлялся и функционировал Петербургский университет в ранний период его истории (1800—1810-е гг.), который авторы называют переходным. Студенты и профессора Главного педагогического института (1816—1819) и Петербургского университета показаны при этом как единое сообщество, в положении и составе которого преобразование 1819 г. не изменило практически ничего. Правомерность включения деятельности Педагогического (Главного педагогического)

ческого) института в историю Петербургского университета убедительно подтверждается единством делопроизводства и архива этих учреждений<sup>4</sup>.

К достоинствам книги относятся прежде всего разнообразие и большой объём новых источников, привлечённых авторами. Среди них — законодательные акты, обширные делопроизводственные материалы, мемуаристика, университетские издания. Авторами систематически изучены комплексы документов по истории Петербургского университета в РГИА, а также дела канцелярии попечителя Петербургского учебного округа, университетского совета и правления, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Изучены и некоторые личные фонды (Д.П. Рунича, П.А. Плетнёва, С.С. Татищева и др.).

В вводной главе Жуковская и Казакова раскрывают проблематику новейшей отечественной и зарубежной историографии темы. В «*Anima universitatis...*» традиционные методы сравнительно-исторического и системно-структурного анализа, а также приёмы исторической статистики успешно соединяются с подходами культурной антропологии, которые уже применяются (в том числе Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, Т.В. Костиной) при изучении профессорской корпорации. Социально-исторический ракурс книги «*Anima universitatis...*» весьма удачен. Российское студенчество предстаёт в ней как замкнутое сообщество и, одновременно, особая подвижная, изменчивая социальная группа, локализованная в том или ином университете и в зависимости от этого обладающая уникальными особенностями, сочетающимися с общестуденческими чертами.

В рецензируемой работе показаны изменения, происходившие на

протяжении полувека в правовом статусе студентов Петербургского университета. Авторы прослеживают то, как применение законодательства, его корректировка и отступления от писанных норм для сохранения «семейного стиля» постепенно формировали понятие об «академической свободе», которое уживалось с патриархальностью внутрикорпоративных отношений рассматриваемого времени и системой государственного регулирования и надзора. Особое внимание обращено при этом на «дела о происшествиях», которые не только дают представление о степени строгости дисциплинарных правил, но и отражают бытовые, профессиональные и нравственные устои университетского сообщества. На основе широкого комплекса статистических источников выявлены возрастные, сословные, имущественные, этноконфессиональные характеристики студенчества, его внутренняя стратификация, динамика численности учащихся по всем факультетам, причины оставления учёбы, условия приобретения первых учёных степеней (действительного студента и кандидата). Выводы авторов подкреплены сводными таблицами и приложениями.

Очень важны наблюдения о социальном происхождении студентов и путях, приводивших их в университет, о том, как закреплялись ограничения для абитуриентов по возрасту и уровню подготовки, как именно осуществлялся приём и выпуск лиц, принадлежавших к непривилегированным сословиям, как действовал механизм выхода из несвободного состояния детей духовенства и мещан. На конкретных примерах демонстрируется, как в 1820—1840-х гг. создавались особые условия для обучения в университете уроженцев Кавказа и поляков. Оказывается, на протяжении 15 лет доля студентов-поляков в

столичном университете достигала 1/3 от общей численности, что являлось следствием политики власти, гибкой системы предоставления стипендий, привлекательности коронной службы для польской элиты, увеличения польской диаспоры в столице. Вместе с тем благодаря усилиям правительства и повышению престижа университетского образования в рядах студенчества появлялось всё больше дворян. С другой стороны, именно через обучение в университете разночинцы и даже выходцы из податных сословий получали возможность изменить свой сословный статус, о чём свидетельствуют приведённые в книге биографии. Финансовые отношения студентов и университета менялись в зависимости от государственных решений и той академической и социальной поддержки, которая оказывалась выпускникам, вступавшим в службу по Министерству народного просвещения.

Большой интерес вызывает и проведённая Жуковской и Казаковой реконструкция положения студентов в русском обществе первой половины XIX в., а также описание способов внутриакадемического общения в период становления университетской корпорации: образования студенческих объединений («Рутения», «Балтика» и польский «Огул»), связей между профессорами и учащимися, а также между представителями разных факультетов и форм обучения, влияния на специфику этих отношений бюрократической регламентации и коллегиальности. Жуковская и Казакова отмечают особенности как учебной, так и внеаудиторной повседневности петербургских студентов 1800—1850-х гг., их роль в жизни города, проведение досуга, участие в литературно-философских кружках и иных объединениях, вовлечённость в городские конфликты.

Авторы уделили внимание и последующей карьере выпускников столичного университета в разных ведомствах, особо выделив учебное и военное. Им удалось установить, что в первой половине XIX в. университетское начальство нередко заботилось об адаптации бывших студентов (прежде всего казённокоштных) на службе и в обществе. Это немаловажно для понимания механизмов социальной мобильности в дореформенной России. Любопытно, что студент-репетитор иногда не был «приходящим», а жил в семье своего ученика (в том числе в домах представителей высшей бюрократии).

Начальный этап складывания студенческой корпорации в Петербургском университете авторы книги относят к 1830—1840-м гг., когда происходила выработка модели поведения и коллективной морали, возникали объединения, способные выступать в защиту «корпоративной чести». Общественный подъём 1855—1861 гг. ускорил эти процессы. События осени 1861 г. свидетельствовали о том, что студенчество стало не только многочисленным, но и организованным обществом, нашедшим зрелые формы корпоративной организации. По мнению авторов, именно это новое качество студенчества, а отнюдь не политические причины, придали «беспорядкам» столь решительные формы (уличные шествия, бойкот учебного процесса, сопротивление полиции). Это новаторская, но достаточно убедительная интерпретация известных событий, вызвавших закрытие Петербургского университета почти на два года и изменение вектора политики в сфере высшего образования.

В рецензируемой работе много конкретики, меняющей стереотипные представления о дореформенном университете, на который часто переносятся характеристики, при-

сущие более позднему времени. Он оказывается весьма далёк от той европейской модели, которая с энтузиазмом насаждалась в начале XIX в. и во многих отношениях обнаруживает «национальное своеобразие». Так, для университета были характерны тогда жёсткие правовые рамки, плотная государственная опека и контроль не только за студентами, но и за выпускниками, сословность, тесная связь образования и обязательной службы. Его миссия состояла не только в распространении просвещения и подготовке чиновников, но и в формировании национальной, всесословной, интеллектуальной элиты. Вместе с тем он являлся «социальным лифтом» для талантливых выходцев из непривилегированных сословий и альтернативой военной карьере для дворян.

При этом авторы несколько преувеличивают особое положение Петербургского университета, противопоставляя его другим и называя их (за исключением Московского) «провинциальными». В XIX в. само наличие университета в городе выделяло его среди прочих губернских центров. Если уж говорить об особенностях статуса столичного университета, то они проявлялись скорее в его органичной встроенности в систему научных и образовательных учреждений Петербурга (Академия наук, 16 высших учебных заведений).

В целом, исследование Т.Н. Жуковской и К.С. Казаковой не только закрывает большую лакуну в историографии Санкт-Петербургского университета, но и вносит немалый вклад в научное понимание политики власти в отношении просвещения и высшей школы в дореформенной России, а также её социальных последствий. Содержательность, высокий исследовательский уровень и литературные достоинства данного труда делают его интересным как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

### Примечания

<sup>1</sup> История Ленинградского университета. Очерки. Л., 1969; *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1998.

<sup>2</sup> Диссертация П.В. Гришунина «Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни: 1820-е — 1880-е гг.», защищённая в 2005 г. в Петербурге, осталась неопубликованной.

<sup>3</sup> *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX века. М., 2011.

<sup>4</sup> *Жуковская Т.Н.* Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804—1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов / Под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М., 2017. С. 114—164.